

Новая Польша 10/2012

0: КОШМАРНОЕ ЭХО ИСТОРИИ

Мариан Пилот: Вот, наслушался вчера в поезде! Подсаживается в мое купе один такой крепыш, на взгляд главный бухгалтер. Может, торговец, какой-нибудь маркетолог. Интеллигент, одним словом, разговорчивый, контактный, душа нараспашку. Заговорили о Едвабне. Он говорит: «Столько шумят из-за сарая. А это не поляки подожгли. Это крестьяне».

— Он развил эту мысль?

— «Я, уважаемый, из этих мест, там люди правду знают. Поляк к чему-то такому руку бы не приложил. А крестьянину дать спичку — и готово несчастье. Вот эти хамы немытые, темная сволочь из деревни устроила народу позор на весь мир». Одним словом, крестьянин — не поляк. Может, даже не человек.

— И откуда это?

— Из истории. Кошмарное эхо теорий XVII века. Поляк — это шляхтич, ведущий род от племени сарматов, которые в незапамятные времена населили край над Вислой и закатали победенный народ. Полная чепуха, но с какой силой воздействия! Вооруженная сарматской верой шляхта смогла затерроризировать подданных, доведя их до уровня рабов, собственно «хлопов» — в русском языке и сегодня есть слово «холоп» в том же значении. Сарматское порабощение превосходило любое воображение. Насилие над крестьянином, угнетение — не скажу польского крестьянина, у крестьянина не было даже никакой национальности — было буквально безграничным.

Такое у нас было государство: какие-то десять процентов сарматской шляхты и девяносто процентов крестьян, подавленных и униженных больше, чем илоты в Спарте.

— Потому что крестьянин и шляхтич — разной крови.

— Другая раса. Крестьянин, в сущности, был на положении животного. Барин имел право своего холопа убить, как свою собаку. Сам король не мог ему этого запретить. Если не убивал, то потому, что крестьянин был бесценным рабочим волком. Надо было подрезать ему сухожилия, чтобы не смог убежать.

— С подрезанными сухожилиями нельзя работать в поле.

— Лучше хромой работник, чем никакой. Из сарматского рабства нельзя было освободиться иначе, как через побег, в XVII веке Польша обезлюдела, настолько повсеместным было крестьянское бегство. Несмотря на то что побег мог караться смертью. Как кто-то сказал, Речь Посполитая была государством безграничной воли для одних и безграничной неволи для других. Меня потряс этот бухгалтер из поезда, такой невероятный сарматский реликт.

— Вы читали «Азбуку лемминга» в «Уважаем же»?

— Я что-то слышал об этом тексте. Кажется, там есть причитания, что народ, вместо того чтобы отправиться в Смоленск, предпочитает летать в отпуск в Египет.

— «Лемминги» — это поклонники Каси Цихопек, тефтелек в «ИКЕА» и «Гражданской платформы». Закомплексованная деревенщина, понаехавшая в Варшаву и занятая деланием карьеры: «В длинный уикенд варшавский район Вилянув пустеет. Жители едут за яйцами и курами к родителям в деревню, например в Парчев».

— Ха-ха. Конечно, страшный грех. А что тогда делают все, кто за яйцами не поехал?

— «Корпорация — это место работы, где, по счастью, почти все — тоже из деревни».

— Тот же самый сарматский стандарт. С одной стороны — эти лемминги, неумные, жадные, лишенные всяких чувств подонки и хамы, которые изо дня в день пашут в поте лица, как тот холоп на барщине, в каких-то там

корпорациях или еще где. С другой стороны — стоящие с оружием наизготовку Поляки, всегда готовые к патриотическому порыву, модель которого — Варшавское восстание.

— **Вы любите крестьянскую партию [ПСЛ — Польске стронництво людове]?**

— Средне.

— **Молодой деятель крестьянской партии идет на собеседование в министерство сельского хозяйства. «Почему вы хотите работать именно здесь?» — «Ну, папа!..» Смешно?**

— Это откуда?

— **Политики «Гражданской платформы» рассказывают этот анекдот в Сейме. Вашему бухгалтеру понравилось бы?**

— О, конечно! Это утвердило бы его во взглядах. И не только его. Всем известно, что крестьянство склонно только к взяткам, кумовству и разным другим малосимпатичным махинациям. Уже много лет царит убеждение, в том числе в прессе, что хотя почти все политики нечисты на руку, но вот в Крестьянской партии — особые мастера.

— **Разве нет?**

— Всяко бывает.

— **В крестьянской партии это давно.**

— Потому что это единственная настоящая партия власти в Польше. Самая большая выгода от власти всегда у того, кто правит. А у нас, по большому счету, правит крестьянская партия. В самых разных комбинациях ее представители у власти, с самого начала, почти в каждой команде. Когда присоединятся к демократам, когда — к «Унии свободы», когда — к «Платформе». Как только бросят Миллера — и нет Миллера. Бросят Туска — не будет Туска. У них самый большой опыт в этой игре, и они лучше других используют свои кресла.

— **Вот это и плохо.**

— Я не говорю, что хорошо, что плохо, — я говорю, как есть. Почему у них такая поддержка в провинции? Потому что если кто-то смотрит из Семячичей или Парчева, то видит, за кого надо стоять и кто крепок. Они у власти стационарно, а остальные амбулаторно. Другая партия даст кресло, а потом пропадет, а следующая партия кресло заберет.

Крестьянская партия — единственная, пережившая крах ПНР. Буковку в названии изменили... и гимн. Знаменательная перемена, даже забавная. В ПНР по-бунтарски пели: «Когда народ шел в бой с оружием, господа искали выгоды». А сейчас уже, как и все, поют добропорядочную патриотическую песню, чтобы случайно кого-то не обидеть. Как положено партии власти.

— **Укоренились. И что с того?**

— Для копошащихся где-то далеко от Варшавы это основное достоинство. Они укоренены. Их не сдвинешь, они во все стороны разрослись. Туск должен ехать в Парчев или Тчев специальным автобусом. А они уже там. Их туда никто не должен привозить. И они самые стабильные — именно потому, что здешние. Если я тут испокон веку и что-то значу, то забочусь о том, чтобы и дальше значить. Если кто-то ко мне придет, что-то ему надо — я устрою или хотя бы пообещаю; такое обещание — это тоже ценность. Все остальные — ну, может, за исключением ксендза — что-то парообразное. И вообще плохо связаны с действительностью.

— **Ксендз, крестьянская партия и добровольная пожарная дружина — это то, что стабильно в провинции?**

— Да. А всё остальное колеблется, то с «Унией свободы», то с «Солидарностью», «Платформой» или «Правом и справедливостью». Партии исчезают, прежде чем начнут выполнять свои прекрасные обещания.

— **И есть какая-то ценность в такой прочности?**

— Есть. Не абсолютная, конечно, — убогая, влекущая много дурного; но это ценность. Деревня в период преобразований крепко получила под зад. А эта крестьянская партия, скоренько переделанная из

прокоммунистической, порочная, жадная, всё же как-то положение стабилизировала. Для крестьянина это важно — стабильность. Чтобы было к кому пойти в случае чего. Начальник пожарной охраны знает председателя, председатель — депутата. Бесценно! В случае чего, может быть, помогут. А кто же другой? Так всё и идет. Деревню оставили на произвол судьбы, госхозы были обречены на гибель. Люди стали грязью. Или эти несчастные крестьянские кассы социального страхования — КРУС. С точки зрения социальной справедливости, это плохая система — махинации, злоупотребления. Каждый третий таксист, если его спросишь, КРУС нахваливает. «Без КРУСа далеко не уедешь», — заявляет на голубом глазу. А ведь не только таксисты сумели кассами попользоваться. Конечно, это предосудительно. Но в тощие девяностые кассы были спасением, целые деревни благодаря им жили. Кое-где так и по сей день.

— **Патология крестьянской партии — это цена, которую мы платим за внешнюю стабильность деревни?**

— В определенном смысле. Что деревня услышала в девяностые годы? — «Сами выпутывайтесь!»

— **Это все услышали.**

— Еще бы! И выпутывались, как умели, как всегда люди на селе управлялись: у каждого где-то кум, сват, брат, который поможет, ежели чего. И даже заранее, при случае.

— **Рассаживать членов семьи и родственников по всем возможным креслам — это крестьянское?**

— Крестьяне разные. Вы замечали, какие разные в Польше бывают заборы? У восточной границы, скажем, возле Хрубешува, крестьянские дворы вообще не огорожены. Есть изба, сарай — и стоят себе спокойно среди поля. Чем дальше на запад, тем чаще и тем солиднее заборы: плетни, деревянные ограды. Потом уже порядочные заборы, с солидными воротами. А доберемся до Опольского воеводства — там любой забор как крепость, ничего не видно за дощатой или каменной стеной. В этом проявляются большие культурные различия. Один крестьянин гостеприимный, открытый: «Пожалуйста, пожалуйста, заходите». Белорусы — хоть к ране прикладывай. Все одинаково бедны, но довольны жизнью. Всё открыто, собака ластится, потому что никогда не сидела на цепи и ей особенно нечего сторожить. А вот познанское или опольское кумовство, конечно, более тесное, просто потому, что у людей есть что охранять. А чтобы эффективно охранять, надо иметь хорошие, разветвленные связи.

— **Зачем?**

— За этим стоит вековой опыт. Приведу крайний пример одной уловки, распространенной в силезском пограничье или в Познанском воеводстве и, наверное, не только там. Во время оккупации один человек из семьи записывался в фольксдойчи. Остальные — Боже упаси! Этот семейный фольксдойч был обязан договариваться с немцами в случае опасности, которая грозила кому-то из семьи. После прихода русских кто-то другой безотлагательно записывался в коммунисты, да и всюду, куда удавалось записаться. У этого партийного тоже была под охраной семья, с фольксдойчем в первых рядах. Вот такие простые хитрости простых людей, которым большая история каждую минуту может уготовить гибель.

— **Вы это осуждаете?**

— Не знаю, насколько этот пример достоин подражания. Вопрос жизненной философии: одни полагают, что всё надо поставить на кон, а другие — нет.

— **А о чем думает крестьянин?**

— Выжить. Не даться. Выкручиваться, притворяться. Быть. Любой ценой.

— **А что плохого в этом «выжить»?**

— Ничего. При условии, что вы установите для себя границы и при случае не продадите ближнего. Например, не донесете. К сожалению, если именно биологическая мотивация становится определяющей, легко докатиться до свинства. Коготок увяз — всей птичке пропасть.

— **Лех Валенса сказал недавно: «Деревенские люди думают практически, опираются на своих, проверенных, на дядю, на соседей».**

— Конечно же. Я бы это назвал элементарной хитростью, как в примере с фольксдойчем и коммунистом. Крестьянин боится изоляции. Отсутствия опоры, связей, принадлежности. Ибо если он будет один, его сразу же

не станет. Погибнет. Поэтому он делает все, чтобы укорениться, укрепиться, заслониться семьей.

— Но ведь крестьянин и так укоренен. Он обычно живет в одном месте всю жизнь. Зачем ему в Варшаве этот родственник при должности?

— Почему вы думаете, что деревня такая буколическая? В деревне множество интересов: у одних — одни, у других — другие, совершенно противоположные. Вот, к примеру, спорный кусочек надела. Кто пойдет к войту? Чью сторону примет правление? Надо иметь где-то там наверху родственника, чтобы в случае чего заступился.

Правда, когда-то, не так уж, впрочем, и давно, каких-то полвека назад, крестьянин в своем селе жил всю жизнь. Раз в неделю-две ездил на базар в ближайший городок. На престольный праздник — это уже ого-го куда! Самая дальняя точка — Ченстохова.

И бывало так, что в двух соседних деревнях, разделенных только лесом, была разная лексика, почти что разный язык. Одна была ближе к реке, другая — на возвышенности, на песках. Одна богатая, другая бедная. Одни презирали других, могли годами не контактировать друг с другом. И ни один хозяин из деревни над рекой никогда не позволил бы дочери выйти замуж за голодранца.

В таком закрытом котле спор о меже может вариться и сто лет, переходить от поколения к поколению. Эти — лучшие, те — похуже, а еще другие — полные хамы, потому что и хамы не могли не иметь своих собственных хамов. И может оказаться, что станешь хамом среди хамов. Если не обставишься родственниками, то ни пан, ни ксендз, ни суд не помогут. Только семья, только родня. Потому что все время кто-то косится на этот кусочек земли, на отрезок межи, на мою собственность. Вся история научила крестьянина, что он должен всего и отовсюду бояться. Так что наша деревня была веселой и мирной только в пасторалях, да и то стихотворных.

И есть что-то такое во всем нашем народе, такой атавизм: непреодолимый подсознательный страх лишиться опоры. Люди инстинктивно ее ищут, потому что вот-вот что-то может случиться. Ибо когда же это было спокойно? Сначала война, одна, вторая. Потом новая власть и страх, что всё заберут. Наконец, свободный рынок и «выкручивайтесь сами». Никогда ниоткуда никакой помощи, кроме как от Господа Бога и семьи.

— Лемминги, по мнению «Уважаем же», обладают еще одной отвратительной чертой: стыдятся этого своего Парчева. Притворяются большими господами.

— Да, вот это правда. Мы крестьянский народ, члены которого в большинстве никогда не имели ничего общего ни с какой деревней и ни с каким крестьянством. Все неведомо когда превратились в потомков окраинной шляхты или, на худой конец, варшавских повстанцев.

— А если вы видите на ком-то перстень с гербом, это смешно?

— Я вообще добродушен и всегда думаю, что этот кто-то имеет право на герб.

— А зачем это демонстрируют?

— Не знаю, никогда не спрашивал.

— А зачем мы притворяемся? Почему мы стыдимся Парчева?

— Здесь мы должны вернуться к нашему бухгалтеру и сарматам, глашатаем которых был Валериан Неканда Трепка, автор невероятной книги, известной под названием «Liber chamorum». Это доносы на самозванных шляхтичей, старательно собиравшиеся Некандой в течение целых тридцати лет.

Невероятное произведение — пульсирующее жизнью, написанное обиходным языком своего времени, свободным, полным вульгаризмов и ругательств, увлекательный роман, две с лишним тысячи героев которого стремятся к одному — затесаться в шляхетское звание. Как раньше говорилось, у крестьянина был только один путь спастись от угнетения — побег. Кто мог, убегал в Силезию, на Украину. Другие же освобождались из неволи, покупая себе шляхетские бумаги, роднясь с каким-нибудь захудалым шляхтичем. Как раз эти люди — герои книги Неканды. Они ее боялись как огня, они и их потомки. Жили в постоянном страхе разоблачения.

— Зачем Неканда их выявлял?

— Во славу и чистоту сарматской Речи Посполитой. Такая была идея у сармата исконного и несомненного. Но были и другие специалисты, которые извлекали из этого доход. Процедура была такая. Если ты пришел к выводу,

что сосед подделывается под шляхтича, можешь направиться в суд, представить доказательства и в награду получить землю.

— **Как Неканда выискивал этих «хамов»?**

— Исходил все дороги Речи Посполитой, подслушивал в поместьях, постоянных дворах, корчмах и борделях, получал доклады от своих шпионов и наушников, покупал информацию. И разоблачал. Вписывал фамилию в «Книгу хамов» вместе с сопутствующими сплетнями и анекдотами. Это была самая ненавидимая шляхтой книга. Самые благородные роды трепетали в страхе перед доносом Неканды. Не было ничего более позорного, чем найти свое имя в его книге: это означало, что ты из хамов, что твое столь достойное и гордое имя лишается всего блеска.

Сегодня все самозванцы. Стали притворяться народом господ. Барщинный народ превратился в бар. Мотивы могут быть похожи: я вырвался из деревенщины и должен следить, чтобы меня не разоблачили как хама.

— **«Мариан Пилот представляет в польской литературе деревенское направление». Вас раздражает, что так пишут?**

— Это правильное определение. Крестьянская культура — это моя первая, азбучная культура, естественная подпочва моего писательства. И меня очень радует, что сегодня совсем молодые люди не только признаются в своем крестьянском происхождении, но и афишируют это и поднимают бунт от имени своих униженных и оскорбленных предков. Это невероятное изменение сознания. Я был на спектакле «Во имя Якуба Ш.» с дуэтом Стшемпки и Демирского. Дух Якуба Шели витал над сценой и провозглашал: «Вы все из хамов», — а варшавяне кричали: «Браво!» Впечатляет. Что-то произошло, что-то изменилось, и как-то приятнее быть сегодня писателем-деревенщиком.

— **Вы когда-нибудь стеснялись своего крестьянского происхождения?**

— В университете в пятидесятые годы я этого не афишировал.

— **Почему?**

— Я учился на журналистике, много студентов из деревни, из разных регионов, я из Познанского воеводства, а многие — с востока, из Белостоцкого, из-за Буга. Еще более неотесанные, чем я. Некоторые — фанатичные сталинисты. Я от них отстранялся, больше дружил с евреями, их тоже было много на факультете, они мне импонировали.

— **Вы тогда любили деревню?**

— Ненавидел.

— **Почему?**

— Я хотел любой ценой вырваться из этой трясины, грязи, беспросветной бедности и безнадежной бесконечной работы.

— **И для этого нужна была ненависть?**

— Да. Дам хороший пример: литовец, чтобы стать литовцем, должен был возненавидеть Польшу и все польское. Потому что Литва так глубоко была погружена в польскость, в нашу культуру, язык, что без сильных эмоций нельзя было из этого колодца выбраться. Чтобы выбраться из деревни, я тоже должен был ее возненавидеть. Я был полностью в это погружен. Все с детства мне говорили, что мне на роду написана деревня, ковыряться на этом семейном кусочке земли. Нет! Ненависть давала мне силу.

— **Что говорил отец?**

— Что раз уж так, то слесарь — это солидная профессия. Учиться? Чистая фанаберия.

— **Что было в деревне?**

— Как я говорил, работа. С утра до вечера.

— **Коров пасли?**

— Это я как раз любил. Хорошая работа.

— **А плохая?**

— Молоть цепом. Пахать на коровах.

— **На коровах?**

— У родителей было маленькое хозяйство. Градация на селе лет шестьдесят назад выглядела так: «козяры» не имели ничего, только коз. «Коровяры» — у них были коровы. Высший ранг — это лошатники, владельцы лошадей было немного. Мы были коровяры. На лошадь мы не тянули. Коров пасли, их доили и использовали в упряжке для полевых работ. Этого они ужасно не любили — так же, как и я.

— **Нужно ли возненавидеть собственные корни, чтобы были силы для побега?**

— Да. Может быть, именно поэтому новый польский средний класс стыдится своего крестьянского происхождения и крестьянства не любит. Из страха, что если полюбит деревню, то мотор заглохнет, мотивация для карьеры ослабнет. И придется вернуться от мониторов корпораций на загаженный двор.

— **Когда вы смирились с крестьянином в себе?**

— Еще в университете. Журналистика оказалась скукой, нам долбили политэкономии социализма и «Краткий курс истории ВКП(б)». Я просиживал в библиотеке над Гомбровичем и Шульцем. Но так случилось, что замдеканом на нашем факультете стал изгнанный из Франции коммунист. Он был слегка ошеломлен видом нашего социализма на стройке. Теория явно не согласовывалась у него с практикой. Он пробовал понять, что здесь на самом деле происходит, узнать то и это. Случайно получилось, что он напал на меня — или я на него. И он нашел наивного, но искреннего информатора, а я — ментора. Он тосковал по Франции, в которую не мог вернуться, и рассказывал о ней без конца. В том числе о Бретани и тамошней деревне, обычаях, людях. Хочешь не хочешь, но и я должен был рассказывать о своей деревне. Не мог же я всё время рассказывать о грязи и навозе! Так что должен был вспоминать разные разности, какие-то свадьбы, дожинки и весь этот крестьянский обиход. Неожиданно я осознал, что этот наш деревенский мир так же прекрасен, как и тот, далекий. бретонский. Я задумался над вопросом языка. Бретонцы свой говор хранили, лелеяли. Я свой не выносил. Я все время следил, чтобы у меня в речи не проскользнули деревенские словечки.

— **Какие, например?**

— Я говорил «чеба» вместо «тшеба» (надо). Одно маленькое слово, а из-за него тут же можно было оказаться занесенным в список хамов! Я старался как мог. А из-за бретонцев начал сомневаться во всех этих языковых правильностях. И беречь этот свой родной говор уже поздно, никто так уже не говорит.

— **Почему все мечтают вырваться из деревни, вместо того чтобы сделать там жизнь сносной?**

— Сносной? Это трудно. Часто чрезвычайно трудно. Я, бывает, вспоминаю ближайших друзей детства, тех, кто в нашей родной деревне остался. Их уже двадцать лет нет на свете. Один умер от туберкулеза. Много лет непрерывно болел, кашлял, отхаркивался, к врачу не ходил: жалко времени, работа ждет. В конце концов отвезли его в больницу, обратно уже не привезли. Второй пил немного, потом больше, а в конце допил до смерти. А третий из этой колоды — это я. Сбежал и живу.

Мариан Пилот (1936 г.р.) ни в ПНР, ни в новой Польше не был любимцем публики и критики. Возле его фамилии чаще всего стоит определение «деревенская проза». Дебютировал в 60 е годы сборником рассказов «Щербатые девицы». Был журналистом и редактором (в частности, в журнале «На пшелай» [«Напрямик»] и на Польском телевидении). В прошлом году за роман «Плюмаж» (действие разворачивается в Седликове, родном селе писателя) получил премию «Нике».

1: КАК ХАМ С ХАМОМ

— **Ты хам?**

— Конечно. Раз я обращаюсь к деревенской музыке, то едва ли может быть иначе.

А вообще-то мои родители и деды — горожане. В деревне я бывал только проездом. У меня не было никаких контактов с деревней, и никого у меня там не было.

— **Тогда откуда интерес к деревенской музыке?**

— Еще со студенческих музыкально-этнографических экспедиций. Деревня стала для меня открытием Атлантиды, погибшей мифической земли. Меня захватила музыка. А еще — встречи с деревенскими музыкантами. Моими первыми учителями были музыканты из Оравы, в особенности Людвик Млынарчик из деревни Кичоры, пчеловод, скрипичный мастер, солтыс, учитель, феноменальный человек, одаренный невероятным голосом, напоминающим диапазон певцов из индийского Раджастанхана.

— **И вы сходу занялись музыкой хамов, потому что она вам напомнила индийскую музыку?**

— Форма этой музыки, ее дикость и энергия в течение долгих лет были для меня самым главным. А ее социальную основу я узнал во время следующих вылазок. Слушал воспоминания музыкантов о том, как плохо было раньше при барине. Те, кто об этом рассказывал, еще детьми работали на помещика, крепостничества уже не было, но оставалась экономическая зависимость. Я не поднимал тогда эту тему, меня интересовала музыка. Они, впрочем, тоже не хотели ее развивать, говорили: да чего об этом!

— **Когда ты открыл, что наряду с музыкальной традицией крестьян существует крестьянская традиция социальной несправды?**

— Переломным стало чтение «Истории польских крестьян» Александра Свентоховского. И замечательные исследования Быстроня, Северына, Котули, Буршты, воспоминания Бойко и Витоса, работа Людвика Стоммы «Народные поверья поляков». Я понял, что мы питались великодержавными иллюзиями, упивались мегаломанским полетом, прямо перья из зада, а тут произошло жесткое приземление. Оказалось, что в Польше веками существует привитая многим поколениям система рабства, которая опиралась на непосильный труд и эксплуатацию. Крестьяне были исключены из национальной общности. То, как относились к ним в течение четырехсот лет, эффективно выбило из их голов польское национальное сознание. Именно поэтому в XIX веке терпели поражение восстания. Крестьянство не принимало в них участия, не отождествляло себя с интересами господ.

Это идет из глубокого прошлого. У Свентоховского есть описание парада войск Собеского накануне Венской битвы. Польский король демонстрирует европейским князьям свои полки. За рыцарями в латах идут крестьяне, одетые в тряпье, полуголые, чумазые, заморенные, вооруженные только палками. «А это кто?» — спрашивают князья. И сконфуженный Собеский делает такой фортель: «Это лучшие из лучших, наши добрые поселяне, которые поклялись, что донага разденут врагов, поэтому дефилируют полуголыми». Правда же была в том, что забили их силой, не дали ни мундиров, ни оружия. У крестьянина не было национального сознания, он был рабом. Даже после отмены крепостного права его удерживали в этом состоянии. В начале XX века, когда в Галиции возникло национальное движение, ксендзы с амвонов обличали просветительскую деятельность, видя в ней угрозу традиционной социальной структуре. Ибо крестьянин мог захотеть читать Библию и сравнивать то, что он прочел, с тем, что видит изо дня в день: обман, лицемерие, эксплуатацию, несправедливость, зло. Лучше, чтобы он и дальше оставался темным.

— **Как вы нашли первые песни бунта?**

— В девяностые годы мы открыли с «Капеллой из деревни Варшава» песню «Журавли»: «Возвращайтесь, дети, домой / И не служите никому». Она у нас хорошо пелась, мы видели в ней некий призыв к свободе. В 2003 г. мы начали сотрудничать с Марцином Лицвинко и его группой из Липска на Бебже. Мы записали диск «Искоренение». Лицвинко пригласил нас в Липск и познакомил с песней «Вытоптал»: «Вытоптал жито / о пане не думал / если б пан о нас думал / мы были бы с житом». Это история крестьянина, который из мести уничтожает посевы, потому что барин о нем не заботится. Мы включили песню в репертуар «Капеллы». Это был очередной этап.

Следующим шагом было серьезное изучение Кольберга. Мы открывали всё новые и новые бунтарские песни: «Не боюсь я ни пана, ни господина / возьму топорик, порублю ему кости». Правда, тогда эти песни показались мне сермяжными. Я сказал: нет, это разрушает мой сельский мир, мой фолк, в котором я ищу отдохновения и умиротворения. Только позже до меня дошло, что надо этот пасторальный мир разрушить, показать, что было под спудом.

— Для многих поклонников традиционной деревенской музыки первый диск «R.U.T.A.» «Горит!», в котором были песни в панковских аранжировках, стал потрясением. Мало кто думал, что в деревенской музыке может таиться такой потенциал анархии и бунта. Как получилось, что при моде на фолк антикрепостнические песни оставались до той поры малоизвестными?

— Может быть, потому что они не встречались повсеместно, как урожайные или свадебные? В некоторых местах за их исполнение грозило наказание: в лучшем случае кнут, дыба или колодки, в худшем — виселица. Во многих польских поместьях стояли виселицы, которые должны были напоминать крестьянину, что его ждет, если будет бунтовать. Существовала целая система наказаний крестьян за неповиновение, весьма подробно описанная в книгах по ведению помещичьего хозяйства. Наказуема была даже мысль о бунте, ибо бунт чаще всего означал бегство крестьян из поместий. А побег крестьянина — это ущерб господину: меньше рабочих рук, меньше урожай, меньше доход. Интересно, что больше всего бунтарских песен сохранилось в местах, где крепостное право было менее тягостным и где возникали островки свободы: в Подгалье, в Курпе, в горных и лесных поселениях Подкарпатья и Бескидов.

— Крепостное право — это уже история полуторавековой давности. Крестьяне сейчас полноправные граждане, у них собственные политические организации, они в правительстве. Зачем сегодня возвращаться к теме крепостного права?

— Хотя бы затем, чтобы понять казус крестьянина в правительстве: почему он так податлив на кумовство, коррупцию, почему завладевает страной, смотрит на нее как на поместье, почему в Польше такое глубокое политическое и общественное разделение, откуда это идет? Обращаясь к песням бунта и неволи времен крепостничества, мы указываем некую прапричину, коренящуюся в физическом и духовном порабощении, которое длилось четыре века. 123 года неволи при разделах и пятьдесят лет коммунизма принесли огромные опустошения, но эти четыре столетия углубляющегося крепостничества, отсчитывая с конца XVI века, оставили огромную рану в душе народа. Если ксендз Юзеф Тишнер вслед за Александром Зиновьевым говорил о феномене homo sovieticus, мы говорим о homo feudalus, порабощенном во многих поколениях, который, как писал Веслав Мысливский, рождается без главного императива человеческого бытия — без надежды. Он уже знает, что осужден на эту дыбу, на эту пахоту, что никогда не сможет сменить свою работу на что-то другое. Он прикован к земле и работе для кого-то. И ничего от этого ни для себя, ни для своей семьи никогда не будет иметь. Что-то жуткое. Это глубоко сидит в поляках.

Я под сильным впечатлением от суждения профессора Яцека Василевского, который в недавней беседе для журнала «Знак» переносит крепостное право на современный образ жизни, нынешнее бешеное потребление. Он сказал, что страсть к обладанию в поляках — это следствие не экономики свободного рынка, ибо его не было, а крестьянской ментальности: необходимо копить добро, ибо никогда не известно, что будет.

— Моника Стшемпка и Павел Демирский показали в варшавском Драматическом театре спектакль «Во имя Якуба Ш.», где Шеля возвращается в современную Польшу, чтобы подбить потомков крестьян на бунт, на этот раз против банков. Демирский выдвигает тезис, что современное крепостное право — это кредиты, от которых зависит всё больше людей. Он прав?

— Это довольно отдаленная аналогия: у крепостного крестьянина не было выбора, разве что побег, — у нас он есть, хотя часто иллюзорный. Кто-то, кто не возьмет кредит, не будет потреблять, будет вытолкнут в низшую категорию, станет в какой-то мере парией. Прекрасно, что Демирский критикует систему и выявляет признаки эксплуатации и порабощения. Но я не соглашусь с идеализацией Якуба Шели. Делать из него польского Робин Гуда — это нелепица. Он был преступником, бандитом, вырожденком, осужденным за насилие, выслуживался перед австрийцами. Важно, почему Шеля так популярен, почему в народных песнях он любим, как и другой бунтарь — Костка Наперский, предводитель крестьянского восстания в Подгалье в XVII веке. «R.U.T.A.» извлекла эти вопросы из прошлого и ставит их в контексте сегодняшней проблематики свободы.

Тогдашняя эксплуатация была беспросветной, уничтожала людей. Сегодняшняя имеет более завуалированную форму. Это злодейская социотехника, основанная на создании иллюзии свободного выбора. И это касается всего. Почти что невольничьих трудовых договоров, сокрытых налогов в ценах на товары и услуги, ГМО, АСТА, служб безопасности и контроля за обществом, системы образования, монополии политических партий. Наконец, институтов Церкви, стоящей над государством и над правом.

— Вы поэтому, наряду с традиционными произведениями, включили в альбом песню русского рок-музыканта Виктора Цоя «Мама анархия»?

— «Мама анархия» — это гимн свободы российских анархистов, который в наше время выражает то, о чем говорили старые бунтарские песни. Это голос беспризорников, поднимаемый против любой власти. Песня говорит о ребятах, которые останавливают на улице солдата и портят ему шинель. На вопрос солдата, где ваша мама, поют: «Мама — Анархия, папа — стакан портвейна», то есть самого дешевого советского вина.

— **Вы глубоко вторгаетесь в традиционную музыку, изменяете ее, аранжируете в духе современного панк-рока. Крестьянские песни поют вокалисты панковских групп — Гума из «Москвы» и Робаль из «Дезертира». А такое использование деревенской музыки — это не эксплуатация?**

— Если ты создаешь музыку и хочешь ее до кого-то донести, ты должен использовать современный язык.

— **Публика не поняла бы аутентичную традиционную музыку?**

— Не в этом дело. Понятие «аутентичная традиционная музыка» очень туманно. Мы знаем ее варианты конца XIX — начала XX века. А эта музыка изменялась, эволюционировала, об этом говорят сами деревенские музыканты. Каждое новое поколение музыкантов усваивало всё, что давал современный мир. Появлялись гармошки, которыми вытеснялись скрипки, под воздействием радио изменялась мелодика песни. 30-е годы XX века — это революция в польской деревне, начинаются вальсики, фокстроты, появляется танго, румба, и они это включают в свой репертуар. Ведь они играют для людей на свадьбах. Если бы они этого не делали, их бы посчитали плохими музыкантами, старомодными, их бы никто не приглашал.

— **А сейчас вы используете панк?**

— Благодаря ему эта музыка живет, бунтует, находит слушателя. Современная традиционная деревенская музыка живет почти исключительно на «фольклорах», то есть фольклорных фестивалях. Она утратила обиходную функцию, перестала быть естественным языком, адресованным своему же кругу. Этот круг ее изгнал и заменил польским диско.

— **Есть ли смысл заниматься традиционной музыкой без ее социального контекста?**

— Безусловно, есть. С этим никто не спорит. Зато бессмысленно противопоставлять традиционную музыку и эксперимент, который придает музыке моторику, развивает ее. В первом альбоме «R.U.T.A.», кроме hidden tracks (скрытых произведений), не было ни одной традиционной ноты, все темы написал Камиль Рогинский, в рамках канона хардкор-панковской музыки. Оказалось, что оригиналы — это либо вальсики, либо монументальные песни в стиле «Роты», а таких мы не хотели петь.

— **А в новом альбоме уже появляются традиционные украинские и белорусские мелодии.**

— Да, группа «Гуляй-город», с которой мы записывались, настаивала, чтобы песни прозвучали нетронутыми, без мелодических изменений. Мы так и сделали.

— **И как, действует?**

— Конечно. У нас не было с этим проблем. Мы хотели подчеркнуть этот восточный, многоголосный акцент. Сначала звучит исполняемая а-капелла украинская песня, а потом идет наше исполнение с народными текстами в переводе Яцека Подсядло. То же самое делали люди на селе, они транспонировали песни соседей на свой говор и мелодику. Мы стараемся делать точно то же самое, но в XXI веке, имея в распоряжении студию и интернет.

— **В новом альбоме «R.U.T.A. На Ёсход» вы поете белорусские и украинские крестьянские бунтарские песни. Как возник замысел этого восточного похода?**

— В прошлом году мы с «R.U.T.A.» выступали на фестивале белорусской альтернативной музыки «Басавіцца» в Грудке. Игорь Знык, знаток белорусской музыкальной сцены, посоветовал, чтобы мы исполнили в концерте несколько белорусских фрагментов. Их очень много. Белорусская вокалистка Наста Някрасава помогла нам их выбрать. На концерте творилось что-то невообразимое. Когда Наста вышла на сцену и начала петь: «Ой, садома, садома, пане браце, няма хлеба ў полі, ані дома», настала полная тишина, всё замерло. Когда она пропела последнюю ноту, взорвался настоящий вулкан, люди стали скандировать: «R.U.T.A.».

— **Они восприняли песню крестьянского бунта как протест против диктатуры.**

— Да. Мы тогда осознали, что энергетический заряд этих песен громадный, что они сегодня нужны людям на востоке. Пришло такое время, что надо им посылать такие сигналы свободы.

— В сопровождающей альбом брошюре вы поместили материалы с востока о современной культуре бунта: о российских группах «Война» и «Pussy Riot», украинской «Фемен», белорусских перформерах. Может ли культура в этих странах стать очагом бунта?

— Если бы мы не верили в потенциал культуры бунта, мы бы не занимались этими проектами. История XX века показывает, что эта культура имеет очень большую силу воздействия. Например, поколение битников: несколько музыкантов и поэтов осуществили трансформацию мышления в мире.

— Есть ли шанс на такую трансформацию на востоке?

— Надеюсь. Поэтому мы и выходим из чисто фолковой или панковской среды, показываем, что мы можем встретиться в правом деле с украинскими и белорусскими музыкантами. У меня нет иллюзий, что вдруг группа из Варшавы что-то изменит. Но если оппозиционные политики в этих странах проигрывают диктатуре и авторитаризму, то, возможно, импульс к переменам даст культура. Это наш долг.

В прошлом существовала традиция «дидов», бродячих музыкантов, которые, играя на лире или гуслях, передавали в песнях информацию о том, что происходит в мире. Их слушали целые деревни. Раз уж мы узнали историю, описанную в бунтарских песнях, то должны передать ее далее.

— Польша в течение столетий колонизировала Украину и Белоруссию, на классовый конфликт между господами и хамами там накладывался другой конфликт — национальный и религиозный. Это не составило проблемы в вашей работе?

— Нет, наоборот. Мы открыли, что несмотря на историческое разобщение мы можем быть вместе — украинцы, белорусы и поляки — безо всякого разделения и обид, причитаний, что те — палачи, а эти — жертвы, что тут отобрали, а там отрезали. Мы помним историю, сознаём ее, но если будем всё время считаться, кто больше был варваром, кто болезненней это пережил, то никогда не договоримся. В начале альбома возникает такая шутивая секвенция. Музыканты из «Гуляй-города» спрашивают: «Кто вы?» Поляки отвечают: «Ляхи». Они: «Мы знаем ляхов, они все паны». А мы на это: «Мы не паны. Мы хамы!»

— Разговариваете как хам с хамом?

— То есть как человек с человеком. Надо помнить, что определение «хам» не всегда звучало оскорбительно, особенно с крестьянской точки зрения. Крестьянин не понимал, что барин оскорбляет его, называя хамом. Это слово приобрело пейоративное значение позже. Мы хотим свернуть с этого пути извечного конфликта. Все дело в искривленной или оболганной истине. И в понимании современных противоречий. Якуб Бойко, один из пионеров национального движения в Галиции, написал, что четыреста лет с этой мачехой, с этой гадкой матерью, которой было крепостное право, будут еще долго накладывать отпечаток на жизнь очередных поколений поляков. Это фатум, который над нами тяготеет. Возможно, «R.U.T.A.» его снимет.

2: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «Годовщина августовских соглашений (...) Четыре соглашения, подписанные властями ПНР и забастовочными комитетами в Щецине, Гданьске, Ястшембе-Здруе и Катовице, положили конец серии забастовок в августе 1980 года. «Мне бы хотелось вспомнить тех, кому Польша обязана своим успехом, — не только участников забастовок, но и деятелей оппозиции после запрета «Солидарности»», — сказал президент Бронислав Коморовский, выражая признательность людям, посвятившим себя труду «на благо новой Польши, основы которой закладывались в ночи военного положения». Президент наградил 43 демократических активистов». («Жечпосполита», 1-2 сент.)

• «Согласно обязательной в Польше интерпретации, исторические соглашения августа 1980 г. были достижением лишь польских правых, поэтому каждая августовская годовщина — исключительно их праздник. Исчезла формула, гласившая, что это был компромисс двух сторон [партийно-правительственной и забастовочных комитетов]. Конечно, не подлежит сомнению, что компромисс этот был заключен под давлением массовых рабочих забастовок почти во всех областях народного хозяйства», — Ежи Ващук, бывший секретарь ЦК ПОРП. («Пшеглэнд», 2 сент.)

• «Вчера в Гданьске полиция явилась в штаб-квартиру НСПС «Солидарность» и изъяла надпись «им. Ленина», отпиленную профсоюзными деятелями с ворот Гданьской судоверфи. 28 августа активисты профсоюза отпилили металлическую надпись в знак протеста против восстановления ворот №2 судоверфи такими, какими они были в

1980 г.: со старым названием, коммунистическими символами и лозунгами (...) Операция, проведенная по ходатайству прокуратуры Гданьск-Олива, прошла без инцидентов (...) Ее стоимость составила более 68 тыс. злотых». («Жечпосполита», 4 сент.)

• «Мы с женой и сыном вынуждены жить более чем скромно (...) Все достижения первой «Солидарности» пошли насмарку (...) Яцек Куронь видел шанс наших преобразований в том, что их осуществляют люди «Солидарности» — такие замечательные! А теперь это маргиналы (...) Мы никому не нужны. Адам Михник говорил, чтобы я не носился так со своей фрустрацией. А почему нет?! У меня огромное чувство нереализованности (...) На фоне всех тех, кто возглавлял наши службы, у меня прекрасная подготовка. Но никто даже во внимание не принимает, что я могу этим заниматься. Известное дело, Збышек не может быть министром внутренних дел. А ведь я всю жизнь готовился к двум должностям: министра внутренних дел и президента Варшавы», — Збигнев Буюк. (Яцек Хуго-Бадер, «Газета выборча», 30 авг.)

• «Я любил и буду любить «Солидарность» как прекрасный пример того, что у нас многое получилось», — Лех Валенса. («Впрост», 10-16 сент.)

• «Ежи Янишевский придумал логотип «Солидарности» [в 1980 году]. Красные буквы, идущие плотной колонной с характерным бело-красным флагом над буквой «N»... Эти буквки объединили миллионы поляков. С этого начался процесс создания национального шрифта, названного «солидарницей» (...) «Если бы сегодня тебя попросили снова определить «Солидарность», что бы ты сказал?» — «Я предпочел бы нарисовать (...) Каждую из этих букв я нарисовал бы отдельно. У каждой был бы свой флаг, и все были бы повернуты в разные стороны»». (Павел Зберский, «Тыгодник повшехный», 9 сент.)

• «“Трудные времена, новые подходы. Европа и мир перед лицом кризиса” — такова главная тема начавшегося сегодня в Кринице XXII Экономического форума (...) В форуме примут участие президенты, премьер-министры, министры, экономисты и предприниматели — в общей сложности около 2500 делегатов из Европы, Центральной Азии и США (...) В этом году форум откроют президенты Хорватии и Польши Иво Йосипович и Бронислав Коморовский. В пленарной сессии, которая будет посвящена вызовам, стоящим перед миром во времена кризиса, примут участие, в частности, комиссар ЕС по бюджету Януш Левандовский, вице-премьер Украины Валерий Хорошковский, генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова и вице-премьер Венгрии Тибор Наврачич. Под занавес форума в Криницу приедет также премьер-министр Дональд Туск — в качестве специального гостя панельной дискуссии “Кризис демократии: в поисках лидерства”». («Газета выборча», 4 сент.)

• «Благоприятная экономическая ситуация сохраняется в Польше, в частности, благодаря прописанному в конституции лимиту дефицита финансов. Сейчас такое решение хотят внедрить у себя и другие страны», — сказал в Кринице президент Бронислав Коморовский. Финансовый якорь он назвал одним из принципов, способствующих экономическому росту. Второй принцип — это борьба за сокращение государственного долга, сопровождающаяся улучшением состояния частного сектора. «Один из факторов, ослабляющих влияние кризиса на Польшу, — емкий внутренний рынок. Поскольку две трети поляков работают в секторе малых и средних фирм, нужно заботиться об этом сегменте — особенно с помощью прозрачной налоговой и законодательной системы. И не мешать предпринимателям», — подчеркнул президент». (Лукаш Дец, «Жечпосполита», 5 сент.)

• Министр национальной обороны Томаш Семоняк сказал на Экономическом форуме в Кринице: «Мы предназначаем на оборонные цели 1,95% ВВП, что позволяет нам быть одним из европейских лидеров (...) ВС Польши гораздо лучше вооружены и обучены, чем еще десять лет назад (...) Главная задача — так преобразовать польские вооруженные силы, чтобы они эффективно защищали территорию государства, но в то же время вносили необходимый вклад в евро-атлантическую систему безопасности. Польский приоритет — противовоздушная оборона с противоракетными элементами. Этот проект согласуется с Общей политикой безопасности и трансатлантическим союзническим сотрудничеством». («Газета выборча», 7 сент.)

• «Добыча газа из сланцев нерентабельна — убеждали в Кринице российские эксперты (...) Польские эксперты напомнили, что Польша полна решимости обрести независимость от поставок из России (...) Украинский эксперт по энергетической безопасности Николай Гончар (...) сказал (...): “Речь идет о серьезной перспективе получения нетрадиционного газа из США, а вскоре также из Австралии и Аргентины. Благодаря процессу сжижения он станет важным фактором на глобальном рынке, поэтому Россия пытается уменьшить его роль”». («Жечпосполита», 7 сент.)

• Польская новаторская технология добычи сланцевого газа. Автор патента — группа ученых варшавской Военно-технической академии под руководством полковника проф. Тадеуша Незгоды. Технологию добычи предложила инженер Данута Медзинская: «Мы искали альтернативу гидравлическому разрыву, т.е. закачиванию под землю огромного количества воды с различными химическими добавками. И мы нашли такую субстанцию

(...) — это углекислый газ CO₂. Он вытесняет сланцевый газ, т.е. метан CH₄, не только из трещин, но и из самой структуры сланцевой породы. Иными словами, он вытесняет весь газ, содержащийся в пласте. Наш метод заключается в закачивании сжиженного углекислого газа при температуре -20°С. На глубине 3 тыс. м под землей температура достигает +120°. В таких условиях сжиженный CO₂ резко переходит в газообразное состояние и расширяется, создавая огромное давление — значительно большее, чем при гидроразрыве (...) Углекислый газ проникает в районы залежей, удаленные от скважины на 600 м (...) Гидроразрыв охватывает область только до 100 м от главной скважины». (Петр Фальковский, «Наш дзенник», 8-9 сент.)

• «Визит [патриарха Кирилла в Варшаву] не состоялся бы без согласия Кремля (...) Если сюда приезжают и Медведев, и Путин, и Кирилл, если работает Группа по сложным вопросам, то никто в Европе уже не поверит, что плохие отношения — следствие русофобии поляков. Россия пришла к выводу, что конфликт с нами ей невыгоден, и объявила перезагрузку...» — Олаф Осица, директор Центра восточных исследований. («Жечпосполита», 8-9 сент.)

• «Калининградским торговцам грозит банкротство — их заливают дешевые и качественные продукты питания из Польши. Таков первый результат введения безвизового движения между областью и приграничными районами нашей страны (...) В 400 тысячном Калининграде работают 300 точек продажи польских продуктов питания. Ежедневно жители города потребляют около 10 тонн польских продуктов». (Вацлав Радзивинович, «Газета wyborcza», 21 авг.)

• «В результате открытия малого приграничного движения с Калининградской областью в бедном Браневе расцвела торговля. Быстро развивается контрабанда, а местные власти рассчитывают на серьезные инвестиции», — Петр Гурштын. «“27 июля вступило в силу соглашение о малом приграничном движении, а уже 30 го мы начали принимать заявления, число которых превзошло все ожидания”, — рассказывает генеральный консул Марек Голковский. Сначала консульство принимало по 200 заявлений в день, потом по 300. Одновременно нужно было заниматься выдачей виз. «К 4 сентября зарегистрировано 4000 заявлений о выдаче разрешения на пересечение границы. Выдано 3500 положительных решений и 700 готовых разрешений», — подчеркивает консул Голковский». (Петр Косцинский, «Жечпосполита», 8-9 сент.)

• «По предварительным расчетам Главного статистического управления (ГСУ), рост ВВП во втором квартале по сравнению с тем же периодом прошлого года составил 2,4% против ожидавшихся 2,9%. В первом квартале экономика выросла на 3,5% (...) Резко упала динамика инвестиций (с 6,7 до 1,9%), частного потребления (с 2,1 до 1,5%), а в фирмах снизился уровень запасов. В результате внутренний спрос уменьшился на 0,2% в годовом исчислении». (Александра Фандреевская, Анна Цесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 31 авг.)

• «100 млрд. злотых — столько европейских дотаций выплатил польским фирмам и институциям Банк национального хозяйства (...) Европейские 100 млрд. удалось использовать в течение 30 месяцев». («Газета wyborcza», 31 авг.)

• «Польша пыталась ввести в заблуждение Еврокомиссию, включив электростанцию в Ленчной в список инвестиций, освобожденных от платы за выброс углекислого газа (...) Однако там, где, по заверениям польского правительства, строится электростанция, по-прежнему собирают урожай крестьяне. На строительство электростанции не выдано даже разрешение. Еврокомиссия постановила, что электростанция в Ленчной не соответствует условиям бесплатного предоставления прав (...) Это означает, что дотация в размере 33 млн. евро пропадет». (Ярослав Калущий, «Жечпосполита», 16 авг.)

• «297 млн. долларов — столько составит последний взнос, который Польша заплатит Лондонскому клубу. Как сообщает министерство финансов, деньги будут переведены 27 октября. Таким образом Польша окончательно погасит долги времен Эдварда Герека — спустя 32 года после того, как он перестал руководить государством (...) Однако это не значит, что мы избавимся от долгов (...) Сейчас субъекты, в чьих руках находятся польские облигации, более рассредоточены. Облигации продаются на бирже (...) Согласно счетчику Лешека Бальцеровича, задолженность Польши уже превысила 842 млрд. злотых. Только в 2013 г. из бюджета будет выделено 7,8 млрд. злотых на уплату процентов по кредитам». (Агатон Козинский, «Польска», 7-9 сент.)

• «Индекс объема промышленного производства упал до минимального значения за последние три года. В августе индекс PMI польской промышленности составил 48,3 пункта по сравнению с 49,7 пункта в июле. Данные оказались хуже предсказаний аналитиков (49 пунктов), и сравнить их можно было только с самыми пессимистическими прогнозами». (Агнешка Каминская, Ежи Бочковский, «Жечпосполита», 4 сент.)

• «В 2011 г. объем нашего экспорта сельскохозяйственных продуктов составил 2,08 млрд. евро (годом раньше — 2 млрд.). В то же время мы закупили за границей зерна, мяса, овощей и т.п. на сумму 3,55 млрд. евро (годом

раньше — на сумму 3,09 млрд.) (...) За последний год импорт сахара вырос на 96,7% (...) масличных семян — на 73,2%, картофеля — на 46,5% (...) а яблок — на 52%». (Иоанна Сольская, «Дзенник — Газета правна», 17-19 авг.)

• В индексе здоровья морских экосистем состояние идеального равновесия между человеком и морем ученые приняли за 100. «Они предложили универсальную меру, учитывающую десять свойств океана, важных для человека, — в частности, обеспеченность пищевыми ресурсами, место для отдыха, биоразнообразие. Индекс прибрежных государств всего мира колеблется от 36 до 86. Из нескольких стран, перечисленных в сегодняшнем номере журнала «Нейчур», самой неблагоприятной оказалась Польша (индекс 42, в то время как в Германии — 73)», — проф. Ян Мартин Венславский, заведующий Лабораторией экологии моря в Институте океанографии ПАН. («Газета выбора», 16 авг.)

• «Слишком многие руководители относились к охране природы как к капризу, с которым приходится считаться под давлением привередливых стран «старого ЕС». Последствия такого мышления сказываются в ныне реализуемых инвестициях (...) В Польше каждое строительство дороги — это насилие над природой (...) Случай объездной дороги Минска-Мазовецкого не единичен (...) Я не знаю ни одной нашей автотрассы, построенной грамотно с точки зрения охраны окружающей среды (...) В принципе эту дорогу следовало бы разобрать и построить заново (...) Конечно, теперь это уже неосуществимо (...) Вероятно, объездная дорога Минска-Мазовецкого навсегда останется экологическим барьером», — Роберт Хвьялковский, основатель общества SISCOM, пропагандирующего строительство дорог и развитие общественного транспорта. («Дзике жиче», сентябрь)

• «С прошлой субботы во всем Евросоюзе запрещено производство и импорт традиционных лампочек. Последними сдали позиции лампочки мощностью 25 и 40 Вт. Тем самым брюссельскую директиву 244/2009, объявившую войну энергоемким источникам освещения, можно считать выполненной (...) По последним данным, 80% испорченных и использованных (...) «экологических» источников света попадает на свалки, отравляя их крайне токсичными соединениями ртути. Вероятно, борьбой с этим займется следующая брюссельская директива». («Политика», 5-11 сент.)

• «Уже трое из четырех поляков по крайней мере раз в месяц делают покупки в дискаунтерах. Объем продаж в таких магазинах растет в двузначных числах (в июне — более чем на 13%), а в небольших гастрономах — уменьшается или сохраняется на прежнем уровне (...) Из-за обеднения мы ищем дешевые товары в интернете (...) Владельцы ломбардов тоже ощущают рост бедности (...) По меньшей мере каждая четвертая заложенная вещь не выкупается. А есть и такие ломбарды, где не выкупается половина вещей». (Александра Фандреевская, Петр Мазуркевич, «Жечпосполита», 21 авг.)

• «Согласно докладу Польского национального банка (ПНБ), в первом квартале наши сбережения уменьшились на 300 млн. злотых. Деньги нужны были нам на текущие расходы. Это первый подобный случай с 2000 года». («Газета выбора», 24 авг.)

• «По официальным данным ГСУ и министерства труда, к концу июля оплачиваемой работы не было у 2 млн. человек, т.е. уровень безработицы составил 12,3%. Однако эти данные учитывают только лиц, зарегистрированных в центрах занятости (...) Как показал анализ экономической активности населения, проведенный ГСУ в конце второго квартала текущего года, незарегистрированных безработных было 478 тысяч — почти на 10% больше, чем годом раньше. Поэтому в действительности у нас не 2, а 2,5 млн. безработных (...) Соответственно истинный уровень безработицы составляет 15,3%». (Януш Ковальский, «Дзенник — Газета правна», 22 авг.)

• «[Вместе с родителями из Польши] эмигрировали уже 300 тыс. детей до 14 лет. За последний год — 80 тысяч (...) В прошлом году родилось чуть менее 390 тыс. детей, но с каждым годом их рождается всё меньше — порой даже на 20 тысяч». (Януш Ковальский, «Дзенник — Газета правна», 22 авг.)

• «У нас есть учреждения, институты, чиновники, но нет чувства государственной службы (...) Существующие условия склоняют к пренебрежению законом (...) Слишком много ничтожных проблем втиснуто в законодательные рамки. В зарегулированном мире под статью можно подвести каждого, хотя это вовсе не в интересах общества. Из-за чрезмерной регуляции различные учреждения занимаются не тем, что важнее, а тем, что легче (...) К этому прибавляется постоянная ротация чиновников. После каждой смены власти, когда ведомство возглавляет новый человек, связанный с победившей партией, во всех учреждениях происходят огромные изменения. Сотрудники, уже познакомившиеся со спецификой ведомства, уходят, на их место приходят новые — как правило, почти ничего не умеющие (...) Виноваты в этом политики всех партий. Они годами сознательно разрушали гражданскую службу, провоцируя эту гигантскую ротацию управленцев (...) Однако прежде всего важны люди, их подход к работе и государству, их обязательность, готовность к

сотрудничеству, чувство ответственности, взаимное доверие различных служб и учреждений (...) Этого нельзя добиться, приняв новый закон. Испортить легко — восстановить почти невозможно. Такие изменения происходят годами», — проф. Михал Кулеша. («Польска», 24-26 авг.)

- «[Практически в каждой] польской партии (...) есть лидер, т.е. феодал, который раздает принадлежащие ему блага. Он должен делиться ими, чтобы вассалы были ему послушны. Наши партии вождистские не потому, что их лидеры обладают харизмой, а потому, что у этих лидеров есть блага, которыми они расплачиваются с вассалами». (Яцек Кухарчик, «Газета wyborcza», 17 авг.)

- Согласно опросу ЦИОМа, проведенному 14-22 августа, правительство Дональда Туска критикуют 60% поляков, а хвалят лишь 29%. («Газета wyborcza», 28 авг.)

- Согласно опросу компании «TNS Polska», проведенному 2-5 августа, 51% поляков положительно оценивает президента Бронислава Коморовского. («Газета wyborcza», 23 авг.)

- Согласно опросу компании «TNS Polska», «Гражданскую платформу» (ГП) поддерживают 39% поляков, «Право и справедливость» (ПиС) — 31%, Союз демократических левых сил (СДЛС) — 14%, Движение Паликота — 5%, крестьянскую партию ПСЛ — 3%. («Жечпосполита», 8-9 сент.)

- «К государству у нас двойственное отношение. С одной стороны, мы считаем, что чем его меньше, тем лучше: ведь оно бездарно, разбазаривает деньги, продвигает по службе своих протеже, а гражданам затрудняет жизнь тысячами ненужных предписаний. С другой стороны, став жертвами несправедливости или попав в беду, мы требуем от него помощи и решения проблем. Мы способны одной рукой обманывать его, а другой — грозить, если оно не дает нам прибавку. Мы даже хотим, чтобы государство платило за нашу глупость, как в случае скандала с фирмой “Амбер Голд”». (Анджей Андрысяк, «Дзенник — Газета правна», 14-15 авг.)

- «“Амбер Голд” — это основанная в 2009 г. фирма, инвестировавшая в золото и другие драгоценные металлы. Клиентов она привлекала высокими процентными ставками — более 10% годовых. 13 августа «Амбер Голд» объявила о самоликвидации, не выплатив вложенных средств и процентов тысячам клиентов (...) 17 августа президенту компании Мартину П. было предъявлено шесть обвинений, в т.ч. в ведении банковской деятельности без лицензии». (Беата Томашкевич, «Дзенник — Газета правна», 6 сент.)

- «Когда в 1989 г. Лех Гробельный создавал «Безопасную сберегательную кассу» (...) свои деньги принесли около 7,5 тыс. клиентов. В «Амбер Голд», по предварительным оценкам, — 7 тысяч. Гробельный собрал 3,2 млн. злотых (в пересчете на деньги того времени — 32 млрд.). Мартин П. — по меньшей мере 112 млн. злотых (столько требуют его клиенты). Из этого следуют два вывода. Во-первых, хотя прошло уже 23 года, число желающих чудесным образом умножить свой капитал в Польше не изменилось. И, во-вторых, за это время жизненный уровень поляков невероятно вырос. В 2012 г. такая же по численности группа вкладчиков собрала в 30 раз больше сбережений, чем во времена «чуда» Гробельного. Впрочем, потери тоже были в 30 раз больше. 1989 год. В телевизионной студии Лех Гробельный дискутирует с президентом банка РКО ВР Марианом Кшакком. «Невозможно выплатить 250% от вклада», — растолковывает Кшак. «Возможно! Я выплачу!» — заявляет Гробельный (...) Каким чудом люди поверили не президенту крупного государственного банка, а (...) человеку, которого не знал никто, кроме его ближайшего окружения? Психологи и социологи не смогли этого объяснить. Но люди поверили». (Петр Пытляковский, «Политика», 29 авг. — 4 сент.)

- «Суд в Оструде начал рассматривать дело 36 летнего мужчины, обвиняемого в хранении пушки». («Газета wyborcza», 17 авг.)

- «По данным Евросоюза, 15% польских 15 летних школьников неспособны читать с пониманием (...) Статистически положение выглядит у нас несколько лучше, чем в среднем по ЕС, где доля 15 летних учащихся, плохо понимающих прочитанный текст, составляет 19,6% (...) В Польше доля 15 летних школьников, получающих плохие оценки по чтению с пониманием, в три раза выше среди мальчиков (22,6%), чем среди девочек (7,4%)». (Адам Лещинский, «Газета wyborcza», 7 сент.)

- «В школе (...) лавинообразно растет число случаев насилия. По оценочным данным полиции, только за первое полугодие этого года там было совершено больше преступлений, чем за весь 2007 или 2008 год (...) В период с января по июнь было зафиксировано 20 тыс. преступлений. Пять лет назад за весь год их было только 17,5 тыс., в прошлом году — уже 28 тысяч. Этот год будет рекордным: число преступлений превысит 30 тысяч. По данным МВД, школа — самое опасное публичное пространство после улицы. Быстрее всего преступность несовершеннолетних развивается в неполных средних школах и гимназиях. Чаще всего полиция фиксирует

такие преступления, как разбойное вымогательство, кража, избиение и нападение на учителя». (Артур Грабек, Гражина Завадка, «Жечпосполита», 6 сент.)

- «Во времена, когда я училась, само собой разумелось, что диплом получают не все. Знали мы и то, что (...) экзаменаторы не будут с нами церемониться (...) Сравните это с нынешней ситуацией, когда преподаватели (...) должны облегчать студентам сдачу зачетов и экзаменов. Потому что студент — это деньги. Особенно заочник, вечерник и студент частного вуза. А потом этот студент покидает стены родного университета, уверенный в своей ценности (...) Он — магистр!» — Анна, филолог-англист. («Газета выборча», 8-9 сент.)

- Больше половины поляков верят, что гены есть только в помидорах ГМО, а в обычных помидорах их нет. 60% опрошенных ответили, что Солнце испускает лишь белый свет. Такая же доля респондентов верит, что лазеры издают звук. Почти половина считает, что динозавры жили одновременно с людьми. В том, что человека сотворил Бог, убеждены 45% поляков. 37% считают, что род человеческий возник в процессе эволюции. 49% опрошенных верят в божественное происхождение мира, а теория Большого взрыва убедительна для 28%. Международный опрос провел испанский фонд BBVA. Последнее место по среднему числу правильных ответов на 22 вопроса заняла Испания (11,2%), предпоследнее — Италия (12%), третье с конца — Польша (12,4%). Лидируют Дания (15,6%), Голландия (15,3%) и Германия (14,8%). В среднем число правильных ответов составляет 13,4%. (Петр Загурский, «Газета выборча», 21 авг.)

- «Сотни вещей, связанных с Иоанном Павлом II, стали теперь реликвиями: ботинки, кусочки одежды, бусинки четок. Но прежде всего кровь и волосы — реликвии первого класса. Есть еще обломанный зуб, находящийся на хранении у кардинала Станислава Дзивиша. Можно сказать, что Польша окроплена кровью Иоанна Павла II — это кровь, которую врачи взяли на анализ перед трахеотомией в последние дни жизни Папы. Кардинал Дзивиш, получивший ее в двух ампулах, пишет, что это «жидкая, красная живая кровь Святейшего Отца». Такая реликвия есть уже в нескольких десятках польских приходов». (Иоанна Подгурская, «Политика», 5-11 сент.)

- «Этим летом по Польше ездят несколько знаменитых харизматических священников, чьими молитвами совершаются исцеления и духовные очищения. Встречи проходят в спорткомплексах, концертных залах, школах и церквях. В реколлекциях, которые, как правило, длятся три-четыре дня, обычно участвуют несколько сот человек. Чаше всего свободных мест не бывает. На открытые встречи приходят тысячи людей. Так происходит всюду, где появляется о. Джон Башобора из Уганды (...) Когда свящ. Башобора начал приезжать в Польшу, он удивился, что в нашей стране многие католики практикуют оккультизм: пользуются услугами гадалок и экстрасенсов (...) В 70-е и 80-е годы в сеансах экстрасенса Клайва Харриса (...) участвовало 9 млн. поляков». (Эва К. Чачковская, «Жечпосполита», 14-15 июля)

- «“В компании, где меня называют негром, я чувствую себя лишним”, [— говорит депутат Киллион Муньяна, родившийся в Замбии и уже 34 года живущий в Польше]. Сейдон Зан Диарра приехал в Варшаву из Мали в 1984 году — учиться на ветеринара (...): “Многие мои товарищи уехали из Польши из-за оскорблений и физической агрессии. Алджуат, один из лучших студентов, получил диплом, а на следующий день отдал ключи от общежития и улетел в Мали. Я остался, потому что родители умерли, когда я был маленьким, и мне было некуда возвращаться. Друзья предупреждали: «Берегись! Поляки — нехорошие люди». Но это раньше. У меня было много неприятностей, однако я встретил поляков, с которыми так хорошо, как, наверное, не было бы даже дома”». (Анна Смигулец-Одорчук, «Газета выборча», 23 авг.)

- «К году реального лишения свободы приговорил Белостокский окружной суд четверых мужчин (...) которые планировали и совершали преступления, связанные с пропагандой фашизма, призывами к ненависти на национальной и религиозной почве, а также с оскорблениями еврейской нации». (Иоанна Климович, «Газета выборча», 1-2 сент.)

- В районном суде Варшава-Центр должно было слушаться дело варшавских болельщиков, обвинявшихся в призывах к ненависти на почве расовых и национальных различий. 17 из них скандировали на стадионе: «*Namas, Namas, Juden auf den Gas*» («Хамас, Хамас, евреев в газ»), — обращаясь к болельщикам из Лодзи [в 1939 г. еврейское меньшинство составляло там 230 тыс. человек, после 1945 г. Лодзь стала крупнейшим местом компактного проживания уцелевших евреев и главным центром еврейской общественной и культурной жизни. — В.К.]. Судья Марта Шимборская сразу заявила, что процесса не будет: она прекратит дело «за отсутствием признаков преступления». В заключении она написала: «Невозможно утверждать, что выкрикивавшиеся лозунги разжигали неприязнь, злобу, нетерпимость или усиливали негативное отношение к еврейской нации». В Польше нет уголовной ответственности за т.н. язык вражды, а 80% подобных дел прекращается. (Богдан Врублевский, «Газета выборча», 24 авг.)

- Во время Второй Мировой войны «от рук поляков погибли около 100 тысяч евреев, причем большинство из них убили, по всей видимости, польские полицейские. Остается несколько десятков тысяч жертв и, вероятно, столько же убийц. Среди миллионов польских крестьян это ничтожное меньшинство (...) Система [немецкой] оккупации показала, что поляки бесправны, но евреям приходится еще хуже (...) Люди могут смириться с наихудшими преступлениями, если окружение говорит им, что это нормально», — проф. Тимоти Снайдер. («Газета выборча», 10 сент.)
- «В Белостоке отметили 68 ю годовщину восстания в местном гетто. Торжества прошли перед памятником (...) на площади имени предводителя восстания Мордехая Тененбаума-Тамароффа». («Жечпосполита», 17 авг.)
- «Я попытался убедить представителей Германии привести в порядок братские могилы немецких евреев, которые были вывезены в оккупированную Польшу и здесь убиты (...) Посольство ответило грубым оскорбительным отказом. Немцы написали, что, согласно договору с Польшей, они не занимаются еврейскими кладбищами (...) Сейчас я организую группу юристов. Вместе мы обратимся в международные суды», — Адам Аптовиц. («Жечпосполита», 27 авг.)
- «Прогнозируемый демографический кризис (...) принесет новые проблемы (...) Кадровики министерства национальной обороны, МВД и спецслужб уже сейчас должны подумать, откуда они возьмут через полвека новых солдат, полицейских, агентов, надзирателей и пожарных, если в 2035 г. родится только 272 тыс. детей обоих полов. Высшие и средние школы уже сегодня испытывают трудности с набором студентов и школьников. На благоприятную конъюнктуру могут рассчитывать похоронные бюро, поскольку число похорон вырастет с 389 до 450 тыс., однако возникнет необходимость в новых кладбищах (...) Появятся вопросы о судьбах жильцов пустеющих блочных микрорайонов. Раздавать ли землю в обезлюдевших поветах за символические деньги или засаживать ее лесом? (...) ГСУ прогнозирует, что после 2020 г. в Польше может возникнуть положительное сальдо миграции на ПМЖ. Будут возвращаться наши соотечественники, но и в невиданном прежде количестве будут селиться иностранцы. Готовы ли мы к этому?» (Марек Хенцлер, «Политика», 27 авг.)
- «Во всей Польше в гериатрических отделениях есть только 684 койки. Между тем, согласно европейским нормам, их должно быть по меньшей мере 7 тысяч (...) На 400 тыс. человек, страдающих болезнью Альцгеймера, в Польше приходится 12 домов дневного пребывания. В Варшаве есть один такой дом, на 12 мест (...) Мы нуждаемся в 1,2 тыс. специалистов в области гериатрии. При нынешних темпах образования мы достигнем этого уровня почти через 50 лет». (Мартина Бунда, Павел Валевский, «Политика», 29 авг. — 4 сент.)
- «На завершившихся в воскресенье в Лондоне XIV Паралимпийских играх наши спортсмены с ограниченными возможностями завоевали 36 медалей (...): 14 золотых, 13 серебряных и 9 бронзовых (...) Четыре года назад в Пекине (...) медалей было только пять (...) За золотую лондонскую медаль каждый спортсмен-инвалид получит от министерства 18,4 тыс. злотых, за серебряную — 13,8 тыс., а за бронзовую — 9,2 тысячи. С будущего года эти суммы должны сравняться с премиальными здоровых спортсменов, которые до сих пор получали значительно больше (...) Пенсия олимпийских и паралимпийских медалистов составляет менее 2500 злотых». (Патрик Курковский, «Польска», 10 сент.)
- «Силезский парк — крупнейший городской парк в Польше, а возможно, и во всей Европе. На 620 гектарах располагаются парковые, лесные и луговые территории, отличающиеся необычайным богатством флоры и фауны (...) В конце 2011 г. дирекция Силезского парка приняла решение вырубить более 3300 деревьев (...) Годом раньше было вырублено 6000 деревьев. Однако на этот раз запротестовали жители, объединившиеся в неправительственные организации. Когда власти Хожува выдали разрешение на рубку деревьев, дело было передано в местную кассационную коллегия». (Рышард Кулик, «Дзике жиче», сентябрь)
- «Непосредственный контакт с природой подменяется наблюдением за ней в фильмах или в интернете (...) Между тем, как утверждает Дэвид Собел из Университета Новой Англии, хорошие отношения с природой можно выстраивать только на базе непосредственного контакта с окружающей средой. Дети, которые любят мир животных и растений вокруг себя, будут защищать его и в своей стране, и на далекой Амазонке». (Войцех Миколушко, «Политика», 29 авг. — 4 сент.)
- «Суды выносят смешные приговоры, оправдывающие мучителей [животных], а полиция, прокуроры и местные власти зачастую не знают своих обязанностей (...) К сожалению, Верховный суд предоставил таким бездушным судьям удобное орудие. В постановлении от 16 ноября 2009 г. (...) он пришел к заключению, что издевательство над животным может быть только намеренным и совершаться с прямым умыслом. Иными словами, если человек перестает заботиться о животном, он не действует умышленно, а значит, не может отвечать за преступление. Результат? «Хотя судьи располагают широким диапазоном наказаний, дела об издевательстве над животными по-

прежнему заканчиваются очень мягкими или оправдательными приговорами», — говорит Катажина Топезевская, адвокат-стажер, специализирующаяся на защите животных». (Павел Рохович, «Жечпосполита», 8-9 сент.)

- «Полтора десятка гмин и городов со всей Польши создали группу, выступающую против гражданского проекта дополнений к закону об охране природы. Речь идет о предложении экологов, чтобы национальные парки можно было создавать [и расширять] без согласия гмин. Непосредственной причиной подготовки такого законопроекта стал конфликт вокруг расширения Беловежского национального парка». (Рената Крупа-Домбровская, «Жечпосполита», 5 сент.)

- «Еврокомиссия поручила международной группе экспертов разработать план спасения европейского суслика. Сегодня в Камне-Поморском начинается конференция (..) на которую съедутся 40 ученых из 13 стран Европы. А пока натуралисты и волонтеры закончили ежегодный подсчет европейских сусликов. В Польше на свободе живет почти тысяча этих животных. В будущем натуралисты хотят создать полтора десятка новых колоний сусликов. «Лишь тогда можно будет сказать, что суслики вернулись в нашу страну», — говорит доктор Анджей Кепель». (Анета Аугустин, «Газета wyborcza», 5 сент.)

- На Мазурах планируется отстрел тысячи больших бакланов. «На сегодняшний день во всей Польше живет 30 тыс. пар (...) Рост числа бакланов — не причина, а следствие чрезмерного отлова крупной хищной рыбы, такой как щука и судак, а в море — треска. Это мы ее истребили (...) Кто-то должен есть рыбью мелочь. Щук и судаков нет, баклан воспользовался этим и занял их место (...) ибо он выполняет такую же экологическую функцию. Вылавливая тонну крупных щук, мы оставляем в озере 10 тонн рыбьей мелочи для бакланов. Эти рыбки поедают зоопланктон, а он — наш главный союзник в борьбе за воду, не покрытую водорослями (...) Популяция бакланов стабильна, поскольку ей есть чем питаться (...) Мы должны научиться жить с бакланами в мире», — Шимон Бзома. («Газета wyborcza», 3 сент.)

- «Со среды охотники могут отстреливать уток: крякв, чирков, нырков, чернетей и лысух. Погибнут не только взрослые птицы, но и осиротевшие птенцы. В августе некоторые утки всё еще воспитывают не слишком самостоятельных подлетков (...) Убивать будут также представителей редких и охраняемых видов, которых трудно отличить от распространенных (...) Результатом охоты станут и сотни, если не тысячи, килограммов олова от охотничьих пуль, которые будут отравлять болотные экосистемы и живущих в них животных», — Адам Вайрак. («Газета wyborcza», 17 авг.)

- «Просмотр списка вымирающих видов птиц (...) удручает: около 30% видов находятся на грани вымирания, а многие другие — под угрозой. Причины везде схожие: утрата естественных мест обитания в результате урбанизации и развития цивилизации, загрязнение окружающей среды, вытеснение более приспособленными видами и недостаточная забота со стороны людей. Билл МакКиббен, американец, пишущий об охране окружающей среды, говорит: «Мы поворачиваем вспять книгу Бытия, вызываем регресс развития (декреацию)», — Эстер Вулфсон, автор книги «Corvus. Жизнь среди птиц». («Дзике жиче», июль-август)

3: ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА В ХРАМЕ

— *Подписание совместного послания венчает определенный этап в польско-российском сближении. Какое значение вы придаёте этому факту?*

— Это очень важное событие — не имеющее аналогов в истории отношений между католической Церковью в Польше и Русской православной Церковью. Не только в Польше и в России, но и в глобальном масштабе. Подобного диалога между обоими институтами до сих пор не было. И это потребовало во время работы над текстом освоиться с осознанием того, что диалог означает необходимость учитывать мнение и наиболее болезненные аспекты с той и другой стороны. Каждая фраза редактировалась и записывалась обеими сторонами совместно.

Послание отражает трансцендентную позицию: диалог понимается в более широком временном формате, и имеется в виду, что он будет оказывать воздействие на нынешние и будущие поколения, — и он вовсе не предполагает популярность и скорый эффект. Документ написан простым языком. А как он будет входить в сознание поляков и русских, зависит уже от долгосрочной деятельности обеих Церквей.

— *Какой фрагмент вы считаете самым важным?*

— Послание следует рассматривать в целом. Следует помнить, что это совместный документ. Здесь надо принимать во внимание определенные последствия: то, чего не удалось согласовать, было опущено. Во-вторых — и это подчеркивали обе стороны, — он носит характер духовный, а не политический. Те, кто пытается

интерпретировать совместное послание как политический документ, преуменьшают его значение и смысл. Послание направлено не на то, чтобы решить конкретные вопросы, а на то, чтобы побудить к духовным переменам в отношениях между людьми. Послание обращено к каждому человеку, к человеческой совести.

Существует и третий элемент, который замечен немногими. Так в первой части послания есть ссылка на молитву: «Отче наш (...) остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Бывает, что ее произносят, не задумываясь. Христиане не всегда задумываются над тем, какой смысл несет эта простая, на первый взгляд, формулировка.

Я отсылаю к книге Бенедикта XVI «Иисус из Назарета», часть которой составляет экзегеза этой молитвы. Прочитанной в послании фразе из молитвы Папа в своей книге посвятил несколько страниц размышлений. Я говорю об этом, ибо прозвучали упреки, что в послании — в отличие от письма польских епископов 1965 года — нет фрагмента о взаимном прощении. Однако если не это, так что же тогда означают слова «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим»? Бенедикт XVI напоминает, что призывом к прощению проникнуто всё Евангелие — вся христианская религия. Прощение может быть эффективным лишь для совести того человека, который сам прощает. Однако простить не означает забыть. Совместное послание демонстрирует то общее, что есть во всей христианской Церкви. Подписание этого документа — событие, которое касается не только двусторонних отношений, оно открывает путь к более широкому взаимопониманию между христианством восточного и западного обрядов.

— Два года назад вы говорили, что процесс примирения с Россией принесет плоды лишь при следующих поколениях. Сегодня вы тоже так считаете?

— Через несколько дней наверняка появятся голоса разочарования, что было подписано совместное послание, а в отношениях между поляками и россиянами ничего не изменилось. Я хотел бы подчеркнуть, что подобные документы оказывают свое воздействие в масштабах гораздо более длительного времени, чем жизнь одного поколения. Даже если окажется, что послание не выполнит своей роли духовного призыва для всех и не станет темой проповедей в костелах и церквях, то и так — даже через 150 лет — оно будет оставаться важной точкой отсчета в наших отношениях с Россией.

Послание обращено к народам обоих государств, а не только к православным и католикам. Авторы его понимали, что выходят за границы повседневности и обозначают те рамки, в которых будет осуществляться процесс примирения. В Варшаве был завершен определенный этап. Положено начало новому, и им будет то, что содержится во второй части: «Прошлое в перспективе будущего». Там не оправдывается и не затушевывается прошлое. Там содержится убеждение, что историей должны заниматься ученые и исследователи, а политикой — политики. И только следующие поколения смогут сказать, действительно ли этот документ сыграл свою историческую роль, как это уже сегодня довольно высокопарно утверждается.

— Этот документ служит призывом к более глубокому взаимопониманию между нами, это так?

— Послание адресует нас к забытой, увы, элементарной истине христианства. Я имею в виду любовь к ближнему и сострадание. Оба эти понятия играют чрезвычайно важную роль для понимания сути Нового Завета. В польском католичестве есть много внешних проявлений того, что, казалось бы, должно определять поступки и поведение христиан в повседневной жизни. У меня такое впечатление, что не все до конца поняли, что строительство храма Милосердия Божьего в Лагевниках (Краков) по инициативе Иоанна Павла II было его своеобразным завещанием, адресованным польскому обществу и всем христианам. Иоанн Павел II наверное ощущал дефицит этого милосердия среди своих соотечественников и считал, что надо создать то, что на протяжении многих лет — а может быть, и столетий — будет напоминать, что это и есть фундамент христианства. Подписанный в Варшаве документ — это своего рода воплощение чаяний Иоанна Павла II.

— В день подписания послания вы сказали, что властям иногда бывает легче достичь согласия в отношении таких документов, но часто оказывается, что они пусты и никто их не читает. Документ обеих Церквей представляет собой нечто большее, чем декларация, — это призыв, обращенный к человеческой совести. Есть ли у него шанс на успех?

— В этом нам еще предстоит убедиться. Чтобы он возымел эффект, призыв должен стать предметом ежедневной проповеди в католической и православной Церкви. Поскольку текст документа был согласован совместно, постольку я надеюсь, что его авторы думали и о том, что следует предпринять, чтобы это не стало лишь однократным событием, а послужило началом процесса и воплощения в жизнь постулатов, которые в нем содержатся.

На меня большое впечатление произвели последние по времени выступления архиепископа Юзефа Михалика, который говорил, в частности, о том, что добро не победит само по себе, что этому надо способствовать. В данном случае добро — это восстановление доверия, основанного на правде. Недоразумением было бы убеждение, что добрые отношения с русскими можно строить без выяснения того, что до сих пор их затрудняло. Следует убирать преткновения на совместном пути поисков истины и примирения.

Сформированная четыре года назад польско-российская Группа по сложным вопросам с самого начала своего существования частично занимается именно этим: мы опубликовали большой том под названием «Белые пятна — Черные пятна». По нашей инициативе был создан Центр польско-российского диалога и согласия, ставший организатором торжественного подписания совместного послания в Королевском замке. Совместное послание — это своего рода указатель направления. Многое зависит от людей, которые будут двигаться по этому пути и руководствоваться рекомендациями послания.

— *Наблюдая за тем, как реагируют поляки, вы ощущаете надежду?*

— Непосредственная реакция большей части общества была положительной и доброжелательной — у людей словно свалился камень с души. Но у меня сложилось впечатление, что послание стало объектом политической игры. Напрасно. Критерии политических оценок в данном случае не годятся. С той фундаментальной истиной, которая в нем содержится, могут соглашаться люди с разными политическими взглядами.

— *Если бы этот документ готовила только польская сторона, то «события нашей общей, зачастую сложной и трагической истории», — как это записано в документе, — были бы наверняка названы конкретно. На данном этапе, видимо, это было невозможно. Авторы послания обращаются, таким образом, к верующим с призывом «просить прощения за нанесенные друг другу обиды, несправедливость и всякое зло».*

— В этом нет стремления — как у политиков — взвешивать, кто больше виноват, кто и за что должен просить прощения. Послание обращено ко всем народам обоих государств — не только к католикам и православным, но и к людям иных вероисповеданий и к агностикам — людям неверующим. Я надеюсь, что они примут к сведению то, что сегодня, когда прошло почти 68 лет с момента окончания Второй Мировой войны и больше 20 лет после смены государственного строя и ликвидации тоталитарных режимов, которые были имманентным злом, настал момент для нормализации отношений между поляками и русскими.

Я стараюсь говорить, взвешивая каждое слово. При работе в Группе по сложным вопросам я до сих пор старался избегать слова «примирение». Оно больше относится к языку религии — ни ученые, ни политики не могут совершить в деле примирения то, что могут сделать Церкви и их христианские сообщества.

— *Каким будет очередной шаг на пути сближения с Россией?*

— Переговоров между нашими народами в самых разных сферах было не слишком много. Встречи ученых, мыслителей и духовенства были до сих пор редкостью. Каждая встреча была чем-то чрезвычайным, необычным. Вести диалог всё чаще начинают университеты, исследовательские центры и прежде всего созданные в Варшаве и в Москве Центры польско-российского диалога и согласия. Теперь самое время, чтобы эти переговоры стали делом обычным.

Это касается также контактов между духовными лицами. Было бы чрезвычайно полезно, чтобы послание передавалось доступным языком в проповедях или, ещё лучше, чтобы оно прозвучало целиком во всех польских и российских храмах. Ведь это заняло бы не более четверти часа.

4: СМЕРТЬ ТИТАНА

За три месяца до смерти Марека Котанского